поклонники, человек до шести, съехавшись, оплакивали самоубийство одного молодого сотоварища нашего, Шпренхпортена, который застрелился; мы призывали дух его с неба, мистические делали воззвания к царству мертвых, весь воздух около себя очаровывали, словом, из доброй воли пришли все в такой ужас, у камина сидя, что я, доехавши домой, вытерпел страшную бессонницу, и доныне для меня незабвенную».[30] Этот же сюжет возникает в письмах Г. П. Каменева, общавшегося в Москве с Карамзиным, причем последний пересказывает ему всю историю с такими подробностями, что можно предположить — источником сведений был все тот же узкий кружок. При этом Каменев приводит эпиграмму Долгорукова на смерть барона, оставшуюся неопубликованной и, возможно, забытую автором:

Барон С<пренгпорте>н застрелился;
Умы толкуют так и сяк.
Но я у чувств моих спросился
И заключил, что он — дурак.[31]

Кроме воспоминаний Долгорукова есть и ряд других свидетельств о жизни Карамзина, светского человека в светской Москве, о которой мы знали только по туманным намекам в его письмах к И. И. Дмитриеву. Еще в 1830-е годы в устной памяти существовал не только «Карамзин» А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, но и воспоминание о Карамзине, московском жителе прошлого века.

Два эпизода из его жизни вошли в «Записки» А. М. Тургенева, писавшиеся в тридцатые годы, но посвященные началу его чиновничьей карьеры и юношеским впечатлениям. Обращаясь к ним, мы все более погружаемся в область анекдотов и слухов, а не фактов. Однако именно из «слухов» в итоге и складываются исторические репутации.

Первый эпизод связан непосредственно с Гагариной, связь которой с Карамзиным не могла не привлекать всеобщее внимание, и представляет довольно едкую пародию на идиллические сельские картины в «Бедной Лизе». Текст Тургенева также хранит воспоминание о «Бракосочетании» Карамзина, где тот собирался «жен чужих добру учить».

«Вдовствовавшая тогда княгиня Прасковия Юрьевна Гагарина <...> жаловала чтение сочинений историографа. Николай Михайлович тогда не был еще историографом, пописывал просто, без высокого титла. Она была с Карамзиным коротко знакома, и он, лишившись возможности сам грешить, начал, как сам то напечатал, жен чужих учить. Было летнее время, читать и ночью душно, жарко в будуаре, а читывал княгине свои сочинения сам историограф. Княгиня, Н. М. Карамзин и неразлучная в то время подруга княгини девица Морозова собрались поехать к Симонову монастырю и там, на берегу Лизина пруда, выслушать чтение Николая Михайловича — сочиненный им роман «Бедная Лиза». Поэты прихотливы: послали к Лизину пруду ковры, подушки и, как было жарко, дамы позволили чтецу снять фрак и надеть халат китайский. Чтение спокойно

[30] Капище С 153
[31] Вчера и сегодня СПб, 1845 Кн 1 С 55–56, 58